

со своим несколько отвлеченным свободолобием приверженность к чистому «разуму»; очень вероятно, что Дидро мог иметь с Херасковым и личные встречи. Прозаический политико-просветительский роман Хераскова «Нума, или процветающий Рим» мог возбудить любопытство Дидро как яркий документ русского «просветительства» и в то же время как политическая программа легальной дворянской оппозиции престолу.²⁵ Интересно подчеркнуть, что Дидро нигде не говорит о стихотворных опытах на французском языке русских аристократов его времени и очевидно не склонен был считать их произведениями «русской музыки», какими считал их Вольтер: его интересовали только русские стихи, резкий, отчетливый национальный в них отпечаток. Да и русский народ интересовал Дидро сильнее, чем окружавшая его самого кучка аристократов. Он, в частности, досадовал на то, что безотлучно прожил в Петербурге. Этого было недостаточно для познания страны, в которой он гостил: «Я не видел ее, — признавался Дидро в письме к г-же Неккер. — <...> Петербург — это всего лишь двор, бесвязная смесь дворцов и изб, больших бар, окруженных мужиками (*de moujéks*) и поставщиками».²⁶ Подлинная «мужицкая» Россия начиналась для Дидро далеко за пределами этого города, и ее-то судьба и представляла для Дидро наибольший интерес. Недаром в самый разгар Пугачевского восстания Дидро мог предложить Екатерине II множество вопросов о русском крестьянстве, о «его собственности и правах» и среди них, например, следующий: «Не приводит ли лишение крестьян собственности к дурным последствиям».²⁷ Не случайно, конечно, несколько страниц «Записок» Е. Р. Дашковой посвящены изложению их спора с Дидро о «рабстве наших крестьян», и в такой же мере, по-видимому, закономерно и то, что мы находим имя Дидро в одном из черновых планов «Капитанской дочери»

²⁵ М. В. Черняков. Политико-дидактический роман М. М. Хераскова. «Наук. зап. Харьк. держ. педагог. институту», т. VII, Харьков, 1941, стр. 99—119.

²⁶ E. Саго. *La fin du dix-huitième siècle*, vol. I. Paris, 1880, стр. 330—331; D. S. Mohrenschildt. *Russia in the intellectual life of eighteenth century France*. New York, 1936, стр. 82. Примечательны и дальнейшие строки того же письма, писанного в сентябре 1774 года, так как они образно характеризуют действительное отношение Дидро к Екатерине II и самодержавному строю: «Тихонько я поклянусь вам, что наши философы, которые кажется хорошо узнали деспотизм, видели его лишь через горлышко бутылки. Какая разница между тигром, изображенным на картине Удри, и между тигром в его лесу» (Е. Саго, ук. соч., стр. 331—332).

²⁷ Дени Дидро, Собр. соч., т. V, М.—Л., 1936, стр. 393.